

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ИЕРОМОНАХ
ИЛИОДОР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг. Иеромонах
Илиодор
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой Иеромонах Илиодор (1909 г.)	0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию	0007
#4	0010
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ	0011
** [ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]	0011
ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ	0018
[ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]	0018
Комментарии В. С. Спиридонова	0020
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	0020
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ	0022
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0024
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0042
Иллюстрации	0045

**Лев Николаевич
Толстой**

**Иеромонах Илиодор
(1909 г.)**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АБВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к
37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н.
Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

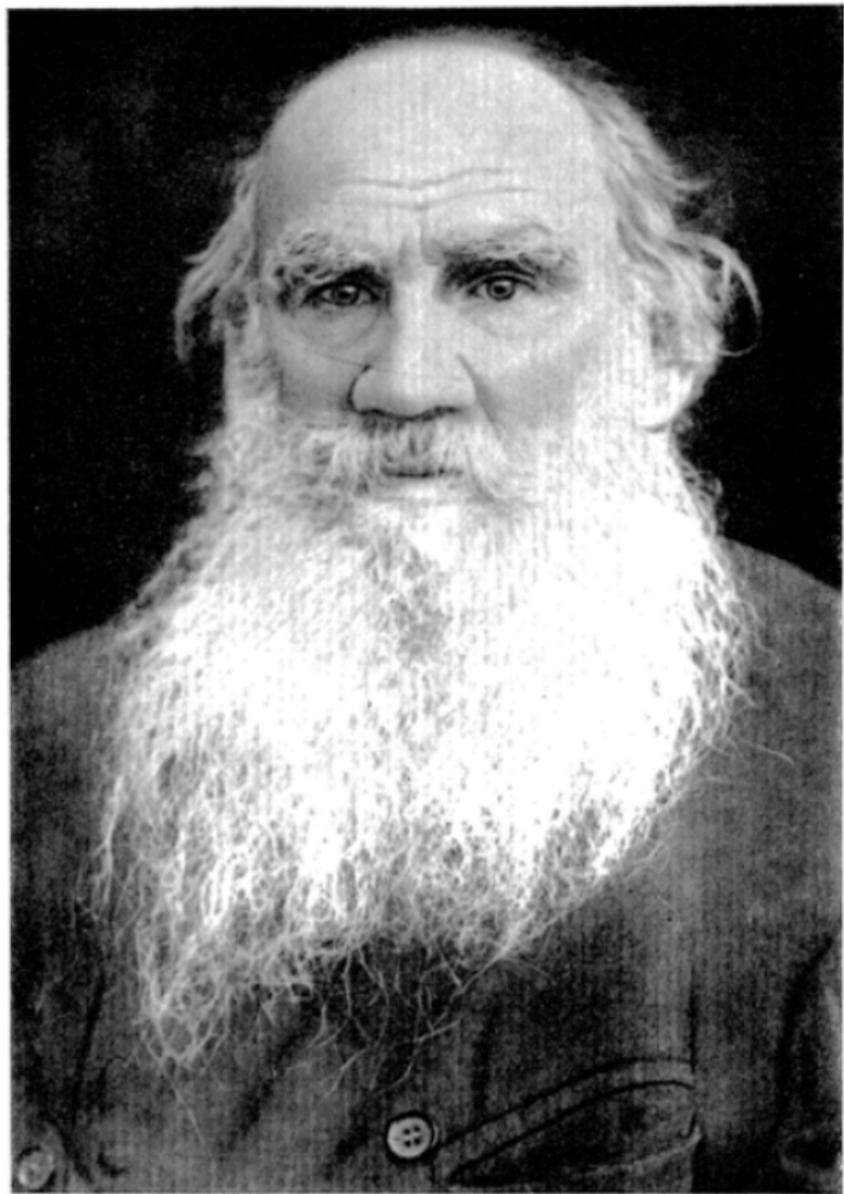
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая



Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

**** [ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]**

Иеромонах Илиодор, опустив голову и закрыв глаза, сидел во время службы в алтаре скитской церкви. Сейчас ему надо будет встать, подойти к престолу, стать лицом к царским дверям и сделать руками известное движение, произнести известные слова и потом подойти к алтарю, взять в руки серебряную золоченую чашу и начать совершать таинство причащения телом и кровью Христа бога. Прошло уже три с половиной года с тех пор, как он, князь Иван Тверской, перестал быть князем Тверским и отставным гвардии полковником, а стал смиренным иноком Илиодором, и никогда еще не было с ним того, что было сейчас.

Первые после пострижения три года его жизни в уединенной келье в лесу, жизни, во время которой он виделся только с старцем

руководителем и с сестрой, раз в год приезжавшей к нему, и братиею в церкви, с которой он не имел никаких сношений, жизнь его была сплошной восторг. Всё большее и большее сознание в своей душе бога по мере всё большего и большего освобождения себя от страстей тела давало ему полное удовлетворение. И беседы с древним, кротким, простодушным и глубоко-религиозным старцем, и чтение священных книг, пророчеств, евангелий, посланий и особенно близкого его сердцу послания Павла и одинокая молитва не только по определенным временам, но постоянное молитвенное настроение: памятование о временности телесной жизни и о сознании в себе бога, давали ему не только удовлетворение, но сознание свободы от уз тела и радость, доходящую до восторга. – Так это продолжалось почти три года. Но в конце этих трех лет с ним случилось то, что вместе с этими минутами, часами, днями восторга стали повторяться и минуты, и часы, и дни упадка духа, слабости, уныния. Илиодор сообщил об этом старцу, и старец посоветовал – а совет старца был для Илиодора повелением – слу-

жить в церкви по очереди с братъею и принимать приходящих. Про отца Илиодора уже давно говорили те, кто посещали монастырь, и как только стало известно, что он принимает, посетители осадили его. В первое время и сознание послушания старцу, и той пользы, которую он мог принести людям, и той физической усталости, которую он испытывал при исполнении всех новых, возникших для него обязанностей, совершенно избавили его от тех часов и дней уныния, которые он прежде испытывал. Ему приятна бывала и самая телесная и душевная усталость, которую он испытывал, исполняя все возлагавшиеся на него обязанности. Служение еженедельное в церкви, которое советовал старец, тоже возбuditельно действовало на него.

Сейчас, сидя в алтаре в кресле и ожидая своего времени, он, как это всегда бывает, совершенно неожиданно и неуместно думал о том разговоре, который у него был нынче утром с посетительницей-исповедницей. Старая девица, институтская классная дама, очевидно восторженно преданная ему, говорила ему о том великом добре, которое он делает

людям своей жизнью и своими поучениями, и что ее он спас от неверия, гибели. Когда она утром говорила это ему, он не обратил внимания на эти слова. Сейчас же он по случаю молитвы.....[1] вспомнил о них и ужаснулся на то, как они польстили, порадовали его, понял, насколько эта похвала, насколько вообще слава людская еще важна, дорога для него. И вспомнив о словах этой женщины, он вспомнил и о том, что ему говорил льстивый казначей, о том удовольствии, которое он испытал, когда добродушный старец, поговорив о тех посетителях, которые ходят к нему, к Илиодору, улыбаясь сказал ему, что он теперь еще веселей помрет, зная, что есть ему заместитель. Вспомнил раз за разом случаи, где он, забывая душу и бога, весь отдавался славе людской. И он ужаснулся и стал молиться, прося бога помочь ему. И подумал, что сейчас избавит его от этого соблазна та важная минута совершения таинства, которая предлежала ему. И вдруг, о ужас, он совершенно неожиданно, ничем не подготовленный, почувствовал, что то, что он будет совершать, не поможет, не может помочь ему. Он вспом-

нил, как в прежнее время совершение этого таинства, когда он причащался у старца, возвышало его, и как теперь, когда он сам совершал его, как он был равнодушен – да, совершенно равнодушен – к этому.

– «Да ведь я сам причащусь, соединюсь с ним. Да кабы духом соединиться. А ведь это одна внешность...» И ужас охватил его. Он усумнился. И, усумнившись, понял, что в этом деле не было середины: или это точно великое таинство, или это – ужасный, отвратительный обман. Он всё забыл и, мучительно страдая, старался не думать – и думал, и, думая, забыл, где он и что предстоит ему. Отец Евмений подошел к нему и напомнил, что время.

Илиодор встал во весь свой высокий рост и, не понимая в первую минуту, где он и что с ним, подошел к алтарю и, услышав пение, опомнился настолько, что вспомнил, чего от него ждут и что надо делать. И он начал делать то, что надо было делать, и что он так часто делал. Но делая и чем дальше он делал, тем ему мучительнее становилось. Он говорил себе, что, может быть, совершение таин-

ства избавит его от соблазна славы людской, а между тем то, что он теперь отрывался от своих мыслей и молитвы, он отрывался для того, чтобы сделать то, чего требует от него не бог, а люди. И выходило то, что совершение таинства было тоже действие во имя славы людской. И он вспомнил о том, как он вырезал из просфоры кусочки хлеба, вспомнил и о вкусе вина, которое он влил в чашу. И между тем он делал с внешним видом уважения и торжественности то, чему он в эту минуту не приписывал уже должного уважения и торжественности. И он всё больше и больше презирал себя и то, что он делал. Однако он закончил всё до конца и [спрашивал], как звать, и младенцев и взрослых. Вернувшись в царские двери в алтарь, допил чашу и поставил ее.

– Или вам не по себе, батюшка? – сказал Евмений.

– Да, что-то, да, да, нездоровится, – солгал он.

[2] Многие, заметив его волнение, приписывали это особому, сверхъестественному религиозному настроению. Поклонницы его

толпились у его кельи. Но он никого не принял и заперся в своей келье.

II

В этот же день Илиодор побывал у старца и, вернувшись в келью, безвыходно пробыл в ней 12 дней. Рыжий Митрий приносил ему трапезы обед и ужин и всё съедал сам. Илиодор ничего не ел и питался во все эти дни просвирами и водой. Митрий слышал его вздохи, его плач и его громкую молитву.

ДНЕВНИК ИЛИОДОРА

15 сент. 1902 г. Да, всё кончено. Нет выхода, нет спасения. Главное, нет бога – того бога, которому я служил, которому отдал свою жизнь, которого умолял открыться мне, который мог бы слышать меня. Нет и нет его.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

[ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР]

* № 1 (р^{ук. № 1}₁).

Служба обедни. Сомнения.

2

Беседа с старцами. Сознание недостаточности для себя достаточного для них.

<4[3]

Сестра или мать. Высший свет. Их ужас на революцию. Разговор о Jean об его fredaines.[4]

5[5]

Является Jean. Он <слушает и понимает> говорит, что думает. Обличает.>

3

Опять уединение. Дневник.

4

<Идет в народ.> Мужики живут. Появляется Иван. Его хватают.

5

Тюрьма, политические, проповедь. Сестра

выкупает.

6

У сестры. Обличает.

7

К революционерам.

8

К <сестре> товарищу начальнику.

9

За границей.

10

К государю.

11

Берет на себя.

12

Казнь с двумя разбойниками.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Замысел рассказа «Иеромонах Илиодор» относится к концу декабря 1908 г. В Дневнике 3 января 1909 г. Толстой записал: «Всё чаще и чаще думаю о рассказе» (т. 57, стр. 4); а 14 января отметил: «Вчера начал писать: не знаю, как озаглавлю. Горячо желаю, но написал слабо. Но возможно» (т. 57, стр. 10). Что именно в этих записях идет речь об упоминаемом рассказе, подтверждается, во-первых, тем обстоятельством, что за этот период нет никаких указаний о другом замысле; во-вторых, пометой дочери Толстого на рукописи этого рассказа: «Написано в средних числах января 1909 г.» (см. описание рук. № 3).

Толстым, очевидно, в промежуток между 3 и 13 января был набросан план рассказа (см. описание рук. № 1), а 13 января написано начало рассказа (см. описание рук. № 2).

Автограф Толстого был переписан на машинке. В машинописную копию Толстой внес

небольшие исправления. Этим работа над рассказом ограничилась, и рассказ остался неоконченным.

Между тем Толстой придавал этому замыслу большое значение и стремился к продолжению рассказа.

В Дневнике 27 января 1909 г. он записал: «Затеянная мною вторая вещь[6] может быть страшной силы. Это не значит, что я ожидаю ее действия на людей, видимого действия, а страшной силы обнаружения его закона. Очень хочется писать» (т. 57, стр. 13); и 16 марта: «Очень много хочется писать.... и Старца» (т. 57, стр. 38), подразумевая под «Старцем» несомненно «Иеромонаха Илиодора».

Впервые рассказ был напечатан в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. III, М. 1912, с двумя цензурными купюрами: 1) опущено место со слов: «И вдруг, о ужас» (стр. 289, строка 32) и кончая: «допил чашу и поставил ее» (стр. 290, строка 19); 2) опущен целиком «Дневник Илиодора»; полностью – в той же книге, изд. И. П. Ладыжникова, Берлин 1912.

В настоящем издании рассказ «Иеромонах

Илиодор» печатается по рукописи № 3. Ошибки переписчика исправляются по автографу.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтового формата. План рассказа. Печатается в разделе вариантов.

2. Автограф. 4 лл. 4°. *Начало:* «Иеромонах Илиодор, опустив голову». *Конец:* «Нет и нет его». На обороте л. 1 рукой Толстого набросаны семь вопросов, относящиеся к содержанию рассказа:

1. Как ведется вся служба?

2. Как служат монахи, в какой очереди?

3. Какие молитвы?

4. Как сам причащается?

5. Кто с ним служит в монастыре вместо дьякона?

6. Что поют?

7. Выпивал ли сам и когда?

3. Машинописная копия предыдущей рукописи. 7 лл. 4°, исписанных с лицевой стороны. В конце текста помета дочери Толстого: «Написано в средних числах января 1909 года». Копия – с ошибками. Имя иеромонаха переписано вместо Илиодора – Исидор (с этим

именем рассказ был и опубликован впервые).
Исправлений Толстого немного.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выразившие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[7]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широ-

чайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[8]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душевных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неумолимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[9] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно

«обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».[10] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам.... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[11] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».[12] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кри-

зиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[13]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»[14].

Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители хри-

стианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый про-

тест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы

слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «*Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством*». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу мол-

чать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выразалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [15] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его

известность как художника.[16]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержа-

щую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[17] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке,

всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[18] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоре-

чия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[19] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство.... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[20] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только

для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[21]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[22] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[23], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих

идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках

лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г.
между стр. IV и V.

Примечания

Многоточие в оригинале.

[^^^]

Абзац редактора

[^^^]

Передано из: 3

[^^^]

[проказах, шалостях.]

[^^^]

Переделано из: 4

[^^^]

6

Первая – «Кто убийцы? Павел Кудряш».

[^^^]

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]